

Сергей АРЦИБАШЕВ:

Противостоят пошлости

Известия, 2001, 10 сент., с. 8

Театр на Покровке, одна из самых интересных камерных трупп Москвы, открыл свой десятый сезон. 14 сентября отмечает пятидесятилетие его создатель, Сергей АРЦИБАШЕВ, тогда же на сцене Театра Сатиры выйдет его новая премьера. Сергей Арцибашев — лауреат премий Смоктуновского и «Золотая маска», Госпремию России он получал в 1996 году (за спектакли классического репертуара), и в 2000-м — за «Женитьбу». Он ставит, играет, воспитывает своих артистов. Корреспондент «Известий» Алексей ФИЛИППОВ спросил его о том, как, собственно, все это началось.

— Десять лет назад, в 1991 году, я был главным режиссером Московского гастрольного театра комедии. Театр существовал при попавшем под сокращение Росконцерте, в ближайшее время должны были сократить и его. Тогда я попросил министерство дать мне возможность создать на этой базе новый театр, с новыми программой и направлением. Через несколько месяцев я уже показал «Три сестры» — визитную карточку нового театра. Спектакль понравился, вопрос с помещением решили — и театр был создан.

— Обычно рождение нового театра представляют по-другому — теплится духовный огонек, собирается группа единомышленников...

— Он и затеплился — в 93-м, на «Трех сестрах». За те два года, что я был главным режиссером Театра комедии, вокруг меня собрался костяк будущей труппы. Если бы это было не так, я уж нашел бы, где работать.

— Слово «программа» применительно к режиссеру и новому театру — не просто банальность, а банальность в квадрате. Но вы сами только что...

— Начальников подкупили две вещи. В 91-м году до классики никому дела не было, а я решил взять за основу классический репертуар. Но решающим оказалось то, что я обещал поставить по главу угла работу с молодыми драматургами. Это заинтересовало министерство (в 1991 году молодые

драматурги занимали театры еще меньше, чем классика) — и нам дали зеленый свет. И мы действительно организовали при театре лабораторию, и работа шла довольно активно...

— Где же эти молодые драматурги сейчас?

— Ну как же. Маша Арбатова, Максимов, Петрушевская...

— Но ведь есть и совсем молодые, невогребанные театрами люди — Максим Курочкин и еще с ним.

— Я начал работать с молодыми драматургами, но оказалось, что я им не нужен. То, что актеры не могут выговорить его текст, автора не волнует. Из двенадцати пьес не вышла ни одна — а потом и мои интересы изменились. Классика занимает меня куда больше.

— Свой собственный театр обычно затевают не только ради того, чтобы ставить классику или работать с молодыми драматургами.

— Вы правы. Какая разница — современности, классика... Хочется высказаться самому. Дело в противостоянии.

— Противостоянии чему?

— Окружающей пошлости, повседневности, в которой погрязеешь. Дело в попытках сохранить собственное достоинство... Надо выстоять, не потерять человеческий облик, а профессия оказывается средством самопознания и самосохранения. Поэтому я и работаю в маленьком

ВИКТОР АХЛОМОВ

театре, где видны глаза людей — через исповедь, через публичное покаяние ты находишь общий язык с публикой.

— Вы не только ставите, но и играете в своих спектаклях. А это вещь рискованная — такого не позволял себе и Станиславский...

— Это так. Но я стараюсь не упустить занятых в моих спектаклях актеров, а сам играю лишь близкие мне роли. Каждый из моих героев — и Городничий, и Ленин, и Мольер, и Гамлет, и Пушкин — в какой-то степени режиссер.

— Вы создали маленький, рассчитанный на несколько десятков зрителей театр. Как он живет и выживает?

— Нас дотирует Министерство культуры, что-то мы зарабатываем сами, чем-то помогают друзья...

— Сколько вы платите актерам?

— Около трех тысяч.

— У всех, наверное, есть подработки?

— Они как-то крутятся — хотя у нас в театре режим достаточно плотный. Кто-то снимет-

ся в рекламе, другие подработают на радио... Кто-то газеты разносит.

— Нищета убивает актера?

— Думаю, да. Если бы не она, я мог бы жестче требовать — а так приходится идти на компромиссы.

— Может ли нищий играть тех, кто счастлив и доволен жизнью?

— У творческого человека так много духовных проблем, что отдых в хорошем месте или дорогая одежда их не решат. Богатые тоже плачут. Счастья-то нет. Но освободить артиста от повседневных хлопот необходимо. Он приходит на репетицию, и мне приходится тратить время на то, чтобы его внутренне перенастроить — у человека потолок течет, а чинить не на что... Актер должен быть свободен от бытовой суеты и заниматься душой.

— Как вы будете «растить» театр дальше?

— Я бы хотел сохранить его в качестве домашнего, камерного, интимного. На гастролях мы играем в больших залах — допинг бурных и продолжительных аплодисментов Театр на Покровке получает на выездах. Во время фестиваля в Молдавии, когда мы давали «Ревизора», огромный зал аплодировал стоя, раздавались возгласы — «Да здравствует Гоголь! Да здравствует Россия!» Но я люблю, когда общение со зрителем идет от сердца к сердцу, от души к душе. В большом театре это сделать труднее.

— Впереди у вас собственный юбилей. Что бы вы хотели пожелать самому себе?

— Здоровья, удачи. Стойкость — иногда охватывает такое отчаяние, что опускаются руки и теряется интерес ко всему... Хотелось бы, чтобы таких периодов было поменьше, и противостояние продолжалось.